САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА
•
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
•
ГРАММАТИКА (РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

Материалы секций
XLI Международной филологической конференции

26–31 марта 2012 г.,
Санкт-Петербург

Санкт-Петербург
2012

ББК 81.2
И90

Ответственные редакторы:

«История русского языка и культурная память народа»:
д-р филол. наук, проф. **О. А. Черепанова**,

«Историческая лексикология и лексикография русского языка»:
д-р филол. наук, проф. **Е. И. Зиновьева**,

«Грамматика (Русско-славянский цикл)»:
д-р филол. наук, проф. **Г. Н. Акимова**

И90 **История русского языка и культурная память народа** / Отв. ред. О. А. Черепанова; **Историческая лексикология и лексикография русского языка** / Отв. ред. Е. И. Зиновьева; **Грамматика (Русско-славянский цикл)** / Отв. ред. Г. Н. Акимова: Материалы секций XLI Международной филологической конференции, 26–31 марта 2012 г., С.-Петербург — СПб., 2012. — 156 с.

ISBN 978-5-8465-1303-7 ББК 81.2

ISBN 978-5-8465-1303-7

© Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного
университета, 2012

в современном русском языке, однако преобладали все же наречия, произведенные по моделям, которые до сих пор являются наиболее типичными для наречий, — от имен прилагательных с суффиксом *-о*, от разных предложно-падежных сочетаний существительных и прилагательных, а также от имен существительных в творительном падеже. В целом словообразование наречий в XVI–XVII вв. было более богатым по моделям, чем это представлено в современном русском языке.

Примечания

[1] Слово отсутствует в следующих словарях: СДРЯ XI–XIV; СлРЯ XI–XVII; СлРЯ XVIII.

[2] «В особую группу выделяются древнейшие по образованию наречия, этимологически связанные с местоимениями, но в современном языке выступающие как непроизводные: *где, здесь, там, всюду, иногда* и др.» (Грамматика русского языка: В 2 т. Т. 1. М., 1953. С. 606).

Е. И. Зиновьева
Санкт-Петербургский государственный университет

ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ*

В данной статье речь идет об одном частном вопросе подачи устойчивых словосочетаний в словаре исторического типа, каким является составляемый коллективом авторов на филологическом факультете СПбГУ в Межкафедральном кабинете им. проф. Б. А. Ларина «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» [СлОРЯ XVI–XVII]. В Инструкции, помещенной в 4-м выпуске словаря, говорится о том, что каждый фразеологизм приводится в словарных статьях на все слова-компоненты (кроме служебных). Толкование фразеологизма дается один раз под грамматически господствующим словом. К этому положению сделано примечание, что «отступления от этого правила объясняются, во-первых, стремлением авторов в первых выпусках Словаря обеспечить максимальную полноту представления материала, а во-вторых, постоянным пополнением картотеки Словаря. Фразеологические единицы (или их варианты), содержащие соответствующие слова на буквы А, Б, могут отсутствовать в опубликованных выпусках Словаря, в таком случае они помещаются в словарных статьях на другие компоненты» [СлОРЯ XVI–XVII, вып. 4, с. 41]. О. С. Мжельская, являвшаяся редактором СлОРЯ XVI–XVII с 1-го по 5-й выпуски, обратила внимание на тот факт, что положение Инструкции не всегда соблюдается, и поставила перед автором статьи задачу выяснить, по каким причинам фразеологизм не всегда приводится в словарных статьях на все слова-компоненты.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00423а).

© Зиновьева Е. И., 2012

Проведенное сопоставление подачи устойчивых словосочетаний в 5-м выпуске, подготовленном к печати, с уже вышедшими 1–4-м выпусками позволило выявить достаточно мало случаев отсутствия фразеологизмов в словарных статьях на другие компоненты, кроме слов на букву Д.

Причины данного явления, в тех словарных статьях, где всё же это имело место, можно разделить на две группы: досадное упущение составителей и случаи, которые можно объяснить лингвистически.

К упущениям можно отнести, например, отсутствие фразеологизмов *дать бой, дать взаймы* в словарных статьях на существительное *бой* и наречие *взаймы*, фразеологизма *варничный двор* в словарной статье на прилагательное *варничный*, фразеологизма *говорить дворкою* в словарной статье на глагол *говорить*, фразеологизма *вотчина и дедина* в словарной статье на существительное *вотчина*. Но, к чести авторов-составителей, следует отметить, что таких случаев чрезвычайно мало.

Те случаи, когда фразеологизм отсутствует в словарной статье, и это можно объяснить лингвистически, имеют разные обоснования. Авторы-составители при первичном выделении устойчивого словосочетания руководствуются, прежде всего, своей языковой интуицией, которая, следует отметить, их чаще всего не подводит. Сделаем попытку научного оправдания случаев не включения фразеологизма в рамки словарной статьи.

1. Фразеологизм не приводится в словарной статье на вариативный, факультативный компонент, приводимый в скобках, например: *дать (беречь) за пристава* не будет приведено в статье на глагол *беречь*.

2. Фразеологизм может отсутствовать и в словарной статье на слово-сопроводитель. Например, *(говорить) не по делом* отсутствует в словарной статье на глагол *говорить*.

3. Фразеологизм может не попасть в словарную статью, если грамматически главенствующим словом в словосочетании является полисемантичный глагол, отличающийся большим семантическим объемом. В этом случае одной из причин данного факта может служить то, что структура значений подобных глаголов часто включает такое значение, как ‘при сочетании с отглагольными существительными в форме Ви-

нительного падежа имеет значение, равное значению существительного'. Такое значение вербализуется только устойчивыми сочетаниями с различными существительными, и в структуре глагольной словарной статьи показ этих фразеологизмов обязателен. Например: «<> Давать грозу. Рѣзал дѣдъ лозу *давал* бабе *грозу*. (Сим. Послов., 137, XVII в.)». Соответственно, в словарной статье на существительное *гроза* есть значение 3 'обещание причинить какое-л. зло, неприятность; угроза'. Под этим значением фразеологизм не приводится, хотя в качестве иллюстрации есть цитата-пословица из того же памятника: «Муж жену лозою а она ему *грозою* (Сим. Послов., 123, XVII в.)». Аналогичным образом фразеологизм *держать воровство* присутствует в словарной статье на глагол *держать*, но отсутствует в статье на существительное *воровство*.

4. Полисемантичное слово в каких-то своих значениях может иметь широкий круг сочетаемости, которая отражается в иллюстративных контекстах на данное значение, но не воспринимается как отдельные устойчивые словосочетания, тогда как в словарных статьях на второй компонент (речь идет именно о двухкомпонентных фразеологизмах) ощущается устойчивость. Например, прилагательное *живущий* в значении 'населенный, обитаемый' сочетается с существительными *двор, дворишко*, *деревня* и др., но эти словосочетания лишь служат в соответствующих контекстах иллюстрациями к данному значению. Соответственно, в словарных статьях на указанные существительные эти же словосочетания будут поданы как устойчивые. Ср. присутствие фразеологизма *вечное докончание* 'бессрочный договор о мире' в словарной статье на существительное *докончание* и его отсутствие в статье на прилагательное *вечный* в значении 'не ограниченный сроком, бессрочный, постоянный', где в контекстах, иллюстрирующих данное значение, наряду с существительным *докончание* присутствуют также сочетания с другими существительными: *вечный договор, вечная крепость, вечный мир*. Часто аналогично обстоит дело и с адъективными фразеологизмами, где выступает относительное прилагательное. Например, словосочетания *доска барочная, доска бочесная, доска воротная* подаются как фразеологизмы в словарной статье на существительное *доска*, так как являются названиями досок по назначению и обладают устойчивостью. В то же время в статьях на второй компонент фразеологизмов — относительные прилагательные — эти сочетания всего лишь служат иллюстрацией значения прилагательного и не воспринимаются как устойчивые.

5. Слово (обычно глагол) может иметь устойчивое управление, которое способствовало самому формированию значения в обиходном языке XVI–XVII вв., так как становление значения происходило на синтагменном уровне. Данные случаи выделяются в словарной статье через черту употребления. Например, в словарной статье на глагол *жить* есть значение 'работать, служить', в рамках которого выделяется употребление *в ком*. Подобная структура предполагает широкий открытый ряд сочетаемости: *жить в дворниках, в детенышах, в попах* и т. п. Эти словосочетания не требуют обязательного выделения их в качестве фразеологизмов в рамках данной статьи, но в статьях на *дворник, детеныш* и т. п. они фиксируются как устойчивые.

6. Лексикографически невыполнимой представляется задача привести все устойчивые сочетания с компонентом типа *быть* на все значения этого очень частотного, универсального полисемантичного глагола в рамках словарной статьи Словаря. В силу этого в статье отсутствуют, например, фразеологизмы *быть в докладе, находиться на докладе*, зафиксированные в словарной статье на существительное *доклад*.

7. Особый интерес представляют случаи, когда семантическая структура полисемантичного слова в целом (одного из компонентов фразеологизма) по-другому расставляет акценты, что не дает возможности выделить фразеологизм в рамках данной словарной статьи. Например, в словарной статье на слово *деньги* присутствует фразеологизм *выходные деньги* — 'сумма из государственной казны, которая выплачивалась как пособие тем, кто выходил из плена'. Но в словарной статье на полисемантичное прилагательное *выходной* находим значение 'выдаваемый лицам, вернувшимся из плена или приехавшим на Русь для службы'. В рамках данного значения в иллюстративных контекстах функционирует сочетание *выходные деньги*, но наряду с ним находим и *выходное жалованье*. Контексты полностью иллюстрируют приводимое значение, фразеологизация словосочетания *выходные деньги* в рамках данной статьи не ощущается. Аналогично обстоит дело и с прилагательным *бортный* в значении 'такой, на котором установлена борть'. В рамках данного значения не фразеологизируется словосочетание *бортное дерево*, воспринимаемое в качестве такового в рамках словарной статьи на существительное *дерево*. Значение глагола *доправить* 'взыскать (деньги, имущество и т. п.)' вербализуется в том числе и фразеологизмами *доправить иск, доправить бесчестье*, приведение которых уместно в рамках данной статьи. Но в словарной статье на существительное *бесчестье* приводится значение 'денежный штраф за оскорбление'. В таком случае существительное может иметь достаточно широкую сочетаемость, что и доказывают иллюстративные контексты: *взять бесчестие на ком, искать бесчестья, доправить бесчестья*. Рассматриваемое

словосочетание не воспринимается в этом ряду как фразеологизированное.

Крайним выражением подобного явления служит выделение разных значений фразеологизма, подаваемого в словарных статьях на разные его компоненты. Например, в словарной статье на существительное *дело* в рамках значения, отмечаемого в деловых памятниках, ‘собрание документов, официальных бумаг’ приводится фразеологизм *взять* (*класть*) *к делу что* в значении ‘приобщить к документам’. В словарной статье на глагол *взять* находим этот же фразеологизм, но в других значениях: на значение глагола ‘принудительно переместить из одного места в другое’ *взять к делу* означает ‘привлечь к судебной ответственности’, а помещенный под значением *взять* ‘(о документах) оформить, получить в учреждении или у частного лица’ фразеологизм значит ‘принять документ к рассмотрению’.

Возможно, существуют и другие внутриязыковые причины отсутствия фиксации фразеологизмов. В любом случае, как представляется, лексикографы-практики стоят перед проблемой: отдать ли предпочтение принципу унификации представления устойчивых сочетаний на каждый компонент или руководствоваться своей интуицией, которая во многом обусловлена чувством языка — восприятием внутрисистемных связей языковых единиц, учетом контекстного окружения.

К. И. Коваленко
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

НАИМЕНОВАНИЯ РАСТЕНИЙ И ИХ ОПИСАНИЕ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И АЗБУКОВНИКАХ XVII в.

Азбуковник как лексикографический жанр сложился к середине XVI в. В отличие от предшествующих сводов лексики, толкуемые слова, выражения или фразы в азбуковниках стали располагать по первой букве алфавита, значительно увеличился объем статей, а толкования стали более развернутыми. Азбуковники включали в себя лексические единицы, которые могли быть непонятны древнерусскому читателю либо в связи с тем, что слово уже вышло из употребления, либо еще не вошло в язык. Типичная статья азбуковника выглядит следующим образом:

Мирсина, древцо блг҃оюханно {їсаия}[1] [Азб. О.XVI.1, с. 224].

© Коваленко К. И., 2012